

Как работали детские сады во время войны.

Мало кто знает, что в блокадном Ленинграде оставалось около 400 тысяч детей. Сколько из них было школьников, сколько дошкольников? Ответить на эти вопросы невозможно. Число детских садов и школ, работающих в осажденном городе постоянно менялось. Ведь в первую очередь ленинградцы отправляли на Большую Землю детей. С ноября 1941 г. резко стало расти число **детских домов**, куда приводили детей-сирот. Почти все детские сады блокадного Ленинграда стали круглосуточными.

Великая любовь к Родине и к детям, мужество, самопожертвование ленинградцев проявились в заботе о детях города-фронта. В блокадном Ленинграде не было чужих детей, все дети были родными. И горожане, дошкольные работники и медсестры, учителя, врачи, бойцы МПВО, сандружинницы, водители на Дороге Жизни и многие другие делали всё возможное и невозможное, чтобы спасти детей в осажденном Ленинграде. И дети города-фронта были спасены.

Из воспоминаний очевидцев «Наконец-то мы добрались до места. В вестибюле направо и налево находились детские раздевалки. Мы сняли верхнюю одежду, по ступенькам поднялись в комнату, где располагалась группа. Детский сад был построен из расчета на 4 группы и один большой зал. В то время работала только одна группа для детей всех возрастов, находившаяся в правом крыле здания.

Когда мы появились, детей готовили к завтраку. Недалеко от входа стоял длинный стол (два стола, сдвинутых вместе). За ним сидели «школьники», то есть, те дети, которые после детского сада в сентябре должны были пойти учиться в первый класс. Валю с Женей посадили отдельно за столы с малышами. Сейчас я не помню точно, что именно дали нам на завтрак. Помню какую-то кашу-размазню, потому что старшим давали добавку, некоторых малышей докармливали с ложечки воспитатели и нянечки. После завтрака я заметила, что в углу комнаты был расстелен ковер, и на нем были расставлены игрушки: куклы, мишки, мебель. Но никто из детей не побежал туда играть, все остались на своих местах. Потом воспитатель что-то рассказывала, читала. Перед обедом всем велели идти мыть руки. Вот тут я была поражена. Из комнаты, где мы находились (групповой) была дверь в другое помещение, оказалось, что это - умывальня. Там были 3-4 раковины, низкие, под рост малышей, краны, и из них текла тоненькой струйкой теплая (!) вода. Дети, протягивая руки под струйку, словно замирали, и никуда не хотели уходить. Но воспитатели и нянечка, быстро намылив, терли ручки, ополаскивали и отправляли детей вытираться, а сами также быстро принимались умывать других. Все делалось очень быстро, так как теплая вода была ограничена. На противоположной стене была прибита рейка с крючками и картинками. Там вешали полотенца. Из умывальни был вход в комнату, где стояли шкафы-ячейки для детских горшков и унитаза, и, наконец, последнее помещение – душевая комната. Но о ней расскажу позднее.

Меня могут спросить, откуда взялась горячая вода? Дело в том, что детский сад имел свою маленькую котельную, которая топилась углем (или торфобрикетами, сейчас уже точно не помню). Котельная располагалась в цокольном этаже здания, и до войны батареи обогревали все помещения здания, грели воду в прачечной и для хозяйственных нужд на кухне. Все эти помещения: кухня, кабинет заведующей, кабинет медсестры, помещение прачечной и котельная находились по одну сторону коридора, в который они выходили застекленными дверями. В этом коридоре на матрасах и укрывая сверху матрасами, чтобы защитить от осколков, и прятали нас, детей, во время обстрелов и бомбежек. Когда началась блокада, детей стало мало (по причине эвакуации), вместо нескольких групп всех поместили в одной комнате, она находилась над котельной. Спальня была в соседней комнате, и там стояла большая **буржуйка** (у окна, трубу вывели на улицу). У этой буржуйки всю ночь няня паровым утюгом гладила детскую одежду.

В спальне раскладушки стояли плотно-плотно, все вновь поступающие получали белые фланелевые рубашки, а на день еще и цветные фланелевые халатики. Одежду старались обработать: если не стирали, то гладили утюгом. Об этом потом мне рассказывала моя мама. Но я-то хорошо помню эту глажку: белые рубашки, розовые халатики на кокетке с застежкой сзади. Вечером, когда детей уже укладывали спать, мы, дети персонала (Алла Флоренская, дочь заведующей, Миша Жуков, сын ночной няни, племянница ночной няни Регины Михайловны и я), уже школьники от девяти до тринадцати лет, собирались вокруг буржуйки. Обычно мы оставляли кусочек хлеба от ужина, а потом, насадив его на палочку, жарили на печке. Этот кусочек тяжелого горячего хлеба, сделанного неизвестно из чего, казался нам лакомством, и мы старались подольше задержать его во рту, но, к сожалению, он исчезал быстро, и мы мечтали, как завтра снова приготовим это лакомство. Однако сохранить кусочек хлеба до вечера удавалось не всегда и не всем. Сидеть у печки подолгу нам не разрешали, слегка прогреемся, и всех отправляли спать. Это было уже во вторую блокадную зиму.

Утром всех будили, мы шли умываться теплой водой. Затем – завтрак, обед, ужин. На завтрак – жидкая каша, кажется овсяная. На обед – жиденький гороховый или овсяный суп. В самую голодную зиму нас отпаивали разведенными пивными дрожжами и настоем хвои. Первая половина 1942 года очень плохо запечатлелась в моей памяти, видимо, сказывался скудный рацион, которого еле хватало для поддержания жизни. Период с осени запомнился мне щами из хряпы (квашеных зеленых капустных листьев, раньше их квасили на зиму на корм скоту), соевыми «шротами» (это тоже корм для скота, отходы масличного производства), «дурандой» (это жмых подсолнечника). Иногда на обед давали суп со сметками (высушенными мелкими солеными рыбешками, мальками). После прорыва блокады в город прибыл с Большой Земли первый поезд с продовольствием (7 февраля 1943г.), в детском саду стали готовить запеканки из круп с меланжем, клюквенный кисель, супы с сушеными овощами: картофелем, морковью, луком и капустой. Изменился и хлеб, он стал намного вкуснее. На завтрак к Первомаю нам дали «гоголь - моголь». Сейчас мне кажется, что там было не больше одной столовой ложки, но мы были в восторге, ведь это было лакомство. Служащим (воспитателям и нянечкам) в это время давали в таких же кружечках по 1 чайной ложечке растительного масла. Постепенно голод начал отступать. Стали появляться и продукты, присланные по ленд-лизу: шоколад для приготовления какао, сухое молоко, толокняная каша (ее называли кашей «Нестле»).

Служащие детского сада находились на казарменном положении, поэтому, если начинался обстрел или бомбежка, они все участвовали в спуске детей в коридор цокольного этажа, укрывали матрасами, успокаивали малышей, а после отбоя тревоги поднимали всех наверх в групповую комнату. Некоторое время, пока был холод и голод, обстрелы и бомбежки прекратились. А весной 1942г начались обстрелы дальнобойными орудиями. Нам, старшим детям, приходилось сидеть на ступеньках узкой лестницы в полуподвал, но так как лестница освещалась застекленной частью стены над нами, на нас тоже набрасывали ватные матрасы, и приходилось подолгу сидеть в ожидании конца тревоги, часто ощущая толчки, если снаряд или бомба падали где-то недалеко. С тех пор я не переносу узких лестниц, особенно если на них нет естественного освещения. Сразу появляется какая-то тревога, становится тяжело дышать, будто не хватает воздуха. Когда наступило лето 1942 года, во время тревоги нас стали водить в **бомбоубежище**, которое находилось в подвале высокого дома, стоящего напротив. Я и сейчас, закрыв глаза, вижу, как длинная пестрая змейка из детей вьется от ступенек **веранды** до узкой двери в убежище. Иногда там приходилось сидеть довольно долго. После отбоя тревоги все повторялось в обратном направлении. С наступлением весны и первым солнышком детей стали выводить гулять на террасу. Маленькие укутанные человечки медленно ходили или стояли, подставив лица солнышку. Иногда прогулка обрывалась, не успев начаться, нас снова спускали в цокольный этаж. Когда почва во дворе подсохла, всех стали выводить гулять во двор. Хорошо помню самую первую прогулку. Воспитатели вынесли игрушки, даже трехколесный **велосипед**. Но почему-то никто не хотел на нем кататься или играть в мяч. Прижав к себе куклу или мишку, дети стояли и грелись в лучах солнца. Воспитатели старались расшевелить детей, но промерзшие за зиму, ослабевшие, они оттаивали не сразу.

Всю зиму дверь в музыкальный зал был закрыт. Когда же наступила весна, и зал, наконец, прогрелся, заведующая детским садом, Зинаида Евграфовна Флоренская, пригласила туда детей младшей группы. Зал был большой, длинный. Вдоль стен зала стояли маленькие стульчики, слева от входа – небольшой черный рояль. В помещении было не очень светло, так как верхние части окон были забиты фанерой. Детей построили по одному и сказали, что они будут маршировать под музыку. Зинаида Евграфовна громко ударила по клавишам, и зазвучал марш, да такой бравурный!...Я впервые видела рояль и слышала, как на нем играют. Дети медленно стали двигаться по залу, а заведующая, не переставая играть, командовала с места: «Все идем, как солдаты! Поднимаем ножки выше... полетели как самолеты, ручки в стороны... помахали ручками как птички!». Сначала малыши двигались молча, но постепенно, после того, как разогрелись, стали оживленнее, начали оглядываться по сторонам. Они еще не оправались после суровой зимы, и воспитатели вместе с заведующей пытались вдохнуть в них жизнь. В зале побывали и дети средней группы. Им раздали флажки, и они махали этими флажками, маршируя по залу. Было видно, как они распрямляли спину, поднимали голову.

Вскоре в детском саду появилась музыкальный работник. Ее фамилия была Остропяткова (к сожалению, я забыла ее имя-отчество). Она проводила утренние музыкальные занятия, а к Новому Году подготовила целый концерт. Однажды, вероятно это было перед Новым Годом, нам объявили, что мы поедем выступать на радио. Там будет передача для фронта, будут читать письма ленинградцев бойцам, а потом будут выступать дети. Помню, как группу детей посадили на матрасы в крытый фанерой грузовик, и долго везли по темным улицам. Наконец машина остановилась у дома радио на углу нынешних Малой Садовой и Итальянской улиц. Мы вошли в подъезд, поднялись по полутемной лестнице, шли по какому-то коридору, наконец, открыли дверь, и очутились в ярко освещенной комнате. Пол был застелен толстым ковром, слева - низкие скамейки и рояль, справа - несколько микрофонов (это я уже потом узнала, что это - микрофоны). В начале комнаты стояла застекленная будка, и там сидел человек. Потолок был высоким. Было очень тепло и тихо. Нас освободили от верхней одежды, младших по такому случаю принарядили в оранжевые штанишки на ляпочках и белые рубашки. Их посадили на скамейки, раздали погремушки, бубен, металлический треугольник, и сказали сидеть тихо, потому что им скажут, когда можно играть. Моему братишке Жене достался треугольник. Дети изображали оркестр, который производил ритмические шумы под музыку рояля. Остропяткова играла пьесы из «Детского альбома», кажется, это были «Марш» и «Неаполитанская песенка» (тарантелла), а дети ей подыгрывали. Передача шла в прямом эфире. Сначала зачитали письма на фронт от тружеников-ленинградцев, затем воспитатель младшей группы Тамара Михайловна Пятницкая спела шуточную песенку, затем выступила я с песней про кукушку. Сестра Валя ходила в среднюю группу, она спела песню-загадку про гриб:

